

© 2000 г. Т.А. МАЙСАК

**ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ:
ОПЫТ ТИПОЛОГИИ***

Разделение языковых значений на два класса – лексические и грамматические – является важнейшим и общепризнанным; вместе с тем, столь же бесспорной считается невозможность проведения строгой границы между двумя этими классами. Здесь исследователям языка приходится, быть может, в большей степени, чем где бы то ни было, иметь дело с явлением континуального, а не дискретного характера; с явлением, более адекватно описываемым в рамках модели “нечетких категорий”, важность которой начинает все больше осознаваться в лингвистике в последние годы.

Для разграничения двух типов языковых значений предлагались и предлагаются различные критерии: так, можно говорить о том, что лексические значения образуют открытое множество, тогда как грамматические – закрытое; лексические значения составляют большинство в инвентаре значений, тогда как инвентарь грамматических всегда на несколько порядков меньше, и т.д. (см., например, обсуждение этих и других критериев разграничения лексического и грамматического в [Мельчук 1997: 241–246]).

С другой стороны, имеет смысл говорить об определенном, эмпирически установленном списке грамматических значений, составить который можно, ориентируясь на универсально-типологический подход. А именно, те значения, которые являются бесспорно грамматическими хотя бы в каких-то языках (в которых они формально выражаются морфологическими средствами), признаются значимыми для любого языка, даже если в нем нет отдельного средства для кодирования данного значения¹. Значения, грамматически выражающиеся хотя бы в одном языке, составляют своеобразный “универсальный грамматический набор” – закрытый список минимальных семантических грамматических значений, или “грамматических атомов” (подробнее см. [Плунгян 1997; 1998в]; из числа недавних работ, аналогичная идея прослеживается в [Bybee, Dahl 1989: 52–53; Bybee et al. 1994: 2–3] и др.). В этом смысле значение ‘начать Р’ является “в принципе” грамматическим, хотя в том или ином конкретном языке существуют, возможно, лишь лексические средства его выражения; с другой стороны, значение ‘ситуация повторяется в течение одного года ровно 5 раз’ в Универсальный грамматический набор внесено быть не может, поскольку оно, как кажется, ни в каком из описанных на сегодня языков мира не может считаться бесспорно грамматическим.

Не менее важен (особенно для настоящей работы) и характер взаимосвязи двух основных типов языковых значений в диахроническом плане. Речь идет о том, что историческая эволюция языка включает постоянное превращение лекси-

* Пользуясь случаем, автор выражает свою искреннюю признательность А.Е. Кибрику, В.М. Алпатову и Ю.Д. Апресяну, без советов и поддержки которых данная работа могла бы и не увидеть свет. Особую благодарность хотелось бы выразить В.А. Плунгяну, замечания которого к первоначальному варианту статьи способствовали ее значительному улучшению.

¹ Так, в английском языке существует особая форма перфекта, что дает обоснованную постановку вопроса о том, как выражается перфектное значение в русском языке, не обладающем для его выражения отдельными формальными средствами. (В этой связи см., например, работу [Князев 1983] о средствах выражения перфекта в русском языке; из недавних работ см. также [Падучева 1998].)

ческих единиц в грамматические; лексика выступает в качестве главного источника грамматики. (Перефразируя известное высказывание Р. Пенна Уоррена, можно сказать, что грамматика получается из лексики, “потому что иначе ее не откуда было бы взять”.) Так, в русском языке предлог *благодаря* и союз *хотя* восходят к формам деепричастий глаголов *благодарить* и *хотеть*, соответственно; в английском языке источниками форм будущего времени *will do*, *shall do*, *is going to do* явились конструкции с модальными глаголами со значением ‘хотеть’ и ‘быть должным’, а также глаголом движения ‘идти’.

В этих случаях мы имеем дело с процессом **грамматикализации**, процессом превращения лексической единицы в грамматический показатель². Процессы грамматической эволюции являются в последнее время (приблизительно с начала 80-х годов) предметом интенсивного теоретического обсуждения в западной лингвистике. Ключевыми работами в рамках так называемой “теории грамматикализации” являются прежде всего монографии К. Лемана, Б. Хайне, П. Хоппера и Э. Траугот [Lehmann 1982; Heine, Reh 1984; Heine et al. 1991; Hopper, Traugott 1993], а также работы Дж. Байби и Э. Даля по типологии грамматических категорий в языках мира [Bybee 1985; Dahl 1985; Bybee, Dahl 1989], в особенности [Bybee et al. 1994] (см. также обзоры данных исследований в [Сумбатова 1994; Плунгян 1998б]).

В своем понимании процесса грамматикализации мы в целом следуем указанным авторам; тем не менее, нам представляется полезным кратко охарактеризовать некоторые важные понятия, используемые в настоящей работе.

Будем говорить о каждом конкретном случае эволюции лексического элемента в сторону грамматического как о некотором **пути грамматикализации** (ср. английские эквиваленты – *path* или *channel of grammaticalization*). В идеальном случае путь этот можно представить себе как имеющий начало и конец: будем, соответственно, говорить об **источнике грамматикализации** (которым является лексическая единица или, точнее, конструкция) и ее **результате** (грамматическом показателе). Грамматикализация является процессом градуальным, так что существуют “более” и “менее” грамматикализованные показатели. Кроме того, не следует забывать и о возможности деграмматикализации или лексикализации ставшего было грамматическим показателя; эти процессы не будут предметом нашего обсуждения (см. о них, например, [Greenberg 1991: 301; Matisoff 1991: 445; Ramat 1992; Auwera, Plungian 1998] и пр.).

І. ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Известно, что грамматикализации подвергаются не произвольные лексемы; круг лексем-источников грамматикализации достаточно ограничен (ср. [Traugott, Heine 1991: 7–8; Bybee et al. 1994: 5, 9–10]). **Определенные лексические единицы** в разных языках особенно часто подвергаются грамматикализации: так, источниками предлогов часто являются слова, обозначающие части тела, источниками артиклей – указательные местоимения, источниками видо-временных показателей – бытийные глаголы, глаголы движения и пр. (см. подробнее [Lehmann 1982; Heine, Reh 1984; Hopper 1991: 19–20] и т.д.). Следовательно, при исследовании процессов грамматикализации в каком-либо языке (или языках) имеет смысл более внимательно взглянуть именно на слова определенных лексических групп.

² При более широком понимании, грамматикализация представляет собой процесс создания грамматических категорий, грамматической системы языка в целом [Traugott, Heine 1991]. В связи с этим можно говорить, например, о таких феноменах, как “грамматикализация порядка слов” или “грамматикализации топика в подлежащее” и т.п. (т.е. о тех случаях, когда некоторый прагматически обусловленный порядок слов начинает использоваться для выражения грамматических отношений). Для нас в настоящей работе достаточно будет более узкого понимания грамматикализации как эволюции лексических единиц в грамматические показатели.

В настоящей работе в качестве объекта такого “пристального” рассмотрения берется группа глаголов движения, и рассматриваются значения, которые встречаются в результате грамматикализации этих глаголов в языках мира.

Следует сказать, что слова с пространственным значением во многих языках являются в принципе основными “кандидатами” на грамматикализацию. Причиной тому служит тот факт, что метафоризация пространственных понятий в целом имеет чрезвычайно важное значение: человек стремится к тому, чтобы осмыслить нефизическое в терминах физического (то есть нечто менее конкретное – в терминах более конкретной сферы опыта), в силу чего концептуализация пространственной, физической сферы опыта выступает в качестве базовой³. Грамматикализация же содержательно представляет собой, говоря упрощенно, частный случай семантических изменений, в каком-то смысле – развитие полисемии у определенной лексемы. При этом нас в данном случае интересуют не все пути семантической эволюции, а лишь те, при которых итоговое значение попадает в Универсальный грамматический набор, и тем самым представляет интерес для грамматической типологии⁴.

Глаголы движения относятся к лексическим единицам, которые наиболее часто подвергаются грамматикализации в языках мира. В качестве наиболее простых и известных примеров можно упомянуть английскую конструкцию *to be going/gonna*, значение которой традиционно характеризуется как “будущее время” (ниже об этом еще пойдет речь), или французскую форму *vient de + inf.*, обозначающую “недавнее прошедшее”.

Для рассмотрения в настоящей работе выбран сравнительно немногочисленный подкласс глаголов, выражающих основные смыслы, связанные с перемещением (человека) в пространстве; русскими эквивалентами этих глаголов являются *идти, ходить, уходить, приходить, входить, выходить, подниматься, спускаться, переходить, проходить, возвращаться, следовать*. (Далее названия глаголов даются прописными буквами: ИДТИ, ПРИХОДИТЬ и т.п.). В рассмотренных языках учитывались глаголы, значение которых описывалось в грамматиках и/или словарях при помощи одной или нескольких из указанных единиц⁵. Не рассматривались каузативные глаголы (типа *вести, бросить* и пр.), а также глаголы, специализированные по признаку “способ передвижения” (типа *лететь, бежать, катиться*)⁶.

Сами по себе глаголы движения, конечно, не раз выступали в качестве объекта изучения в лингвистике. Ими в первую очередь интересовались лексикографы, ко-

³ Именно поэтому столь большое значение в языке играют так называемые ориентационные метафоры, представляющие собой способ организации абстрактных понятий в терминах пространственной ориентации [Лакофф, Джонсон 1990: 396].

⁴ Другое ограничение касается того, что о грамматикализации некоторого элемента мы можем говорить лишь в том случае, если он может использоваться как модификатор при каком-либо классе слов. Так, мы не вправе говорить о грамматикализации русск. глагола *подниматься* со значением ‘начать’, поскольку он таким модификатором не является, хотя и употребляется с несколькими словами для обозначения начала, возникновения ситуации: ср. конструкции типа *поднялся шум, поднялась буря, поднялось волнение* и пр. Подобные употребления можно отнести лишь к так называемым “фразеологически связанным глаголам”, ср. аналогичные примеры типа *пришел в восторг* ‘начал восторгаться’ в работе [Недялков 1987: 181].

⁵ Как показано в работе [Wilkins, Hill 1995], оперирование подобными семантическими ярлыками в типологическом исследовании не всегда оправдано, поскольку лексема, которая в некотором языке кажется, например, эквивалентом англ. *come* или русск. *приходить*, может весьма существенно отличаться от этих глаголов по семантике. Тем не менее, нам представляется, что для предварительного исследования путей грамматикализации учет лишь ядерной семантики глагольной лексемы уже достаточно надежен.

⁶ Следует отметить, что нам не встретилось ни одного случая грамматикализации глагола из этой второй группы, что подтверждает тезис о том, что грамматикализуются лишь слова с достаточно общим значением (ср., например, [Bybee et al. 1994: 5]).

торые описывали значение глаголов в конкретных языках⁷. Авторы грамматик писали о глаголах движения в той степени, в какой эти глаголы используются для выражения грамматических или частично грамматикализованных значений в том или ином конкретном языке. (Ср., например, описание конструкций с глаголами движения среди “глагольных перифраз” в романских языках [Rojo 1974; Васильева-Шведе, Степанов 1980; Никонов 1981] или “видовых” аналитических форм глагола в тюркских языках [Юлдашев 1965].)

Исследование же типологии грамматикализации глаголов движения в качестве отдельной задачи не ставилось. Пожалуй, единственным родом работ, в которых грамматикализации глаголов движения уделялось внимание, были исследования, посвященные происхождению показателей будущего времени – поскольку среди важнейших лексических источников этой категории встречаются как раз глаголы движения (а именно, ИДТИ и ПРИХОДИТЬ: см., например, [Utun 1978; Emanatian 1992; Vybee et al. 1994] и пр.).

Единственной известной нам работой, посвященной собственно типологии грамматикализации трех глаголов движения (а именно, ИДТИ, ПРИХОДИТЬ и ВОЗВРАЩАТЬСЯ), является статья [Lichtenberk 1991], написанная на материале океанийских языков; ее результаты были учтены в нашей работе.

2. ХАРАКТЕР НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование, основные результаты которого обсуждаются ниже, имело своей задачей рассмотрение путей грамматикализации глаголов движения на материале нескольких десятков разноструктурных языков.

Были рассмотрены глаголы, обозначающие основные ситуации перемещения и отличающиеся по способу ориентации начальной и/или конечной точки движения: приближение к или удаление от дейктического центра (ПРИХОДИТЬ vs. УХОДИТЬ), движение вверх или вниз относительно исходной точки (ПОДНИМАТЬСЯ vs. СПУСКАТЬСЯ), движение внутрь или изнутри замкнутого пространства (ВХОДИТЬ vs. ВЫХОДИТЬ) и т.п.⁸

Был привлечен материал чуть более 100 языков. В максимальном количестве представлены языки Евразии (порядка 70-и): из индоевропейских были рассмотрены романские, индо-арийские и иранские языки; достаточно полно охвачена тюркская семья, а также крупнейшие дравидийские языки; языки юго-восточной Азии представлены тайскими, сино-тибетскими и аустроазиатскими; афразийские языки представлены фрагментарно. Рассмотрены также некоторые языки Африки (порядка 25 языков); источником сведений о них послужили главным образом обобщающие работы [Heine, Reh 1984; Аксенова 1997]. Океанийский ареал представлен 13 языками (источником информации по большинству из них послужила работа [Lichtenberk 1991], а америндский – двумя.

В самом общем виде результаты, полученные в ходе исследования, суммированы в таблице, помещенной в конце статьи.

Дальнейшее изложение посвящено обсуждению основных закономерностей грамматикализации глаголов движения, а также характеристике путей грамматикализации по типам итоговых грамматических значений.

⁷ Описанию семантики глаголов движения в типологическом аспекте посвящен ряд работ Л. Талми, прежде всего [Talmy 1975; 1985]; из отечественных исследований отметим [Иоанесян 1990; Рожанский 1992]. О значении и употреблении русских глаголов движения см., в частности, [Битехтина, Юдина 1985: 29–51; Апресян 1995б; Копорская 1996], а также [Апресян 1995а: 72, 136, 252–254].

⁸ Глаголы типа русск. *идти* можно назвать чистыми глаголами движения, поскольку они обозначают перемещение как таковое, не ориентированное относительно точки отсчета.

3. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

3.1. Основные закономерности

3.1.1. Пределы семантического варьирования

Рассмотренные нами пути грамматикализации глаголов движения позволяют сделать вывод о том, что в разных языках мира грамматикализация этой группы глаголов происходит по сравнительно небольшому набору возможных линий эволюции (путей грамматикализации). Действительно, хотя разнообразие результатов грамматикализации глаголов движения достаточно широко – среди итоговых значений можно назвать и обозначение ориентации движения, и значения “ядерных” глагольных категорий (аспект, время, модальность), а также обозначение залоговых отношений и синтаксической зависимости – тем не менее, обнаруживается, что пределы варьирования результатов грамматикализации глаголов движения отнюдь не безграничны. Во многих, в том числе типологически несходных и генетически не близкородственных языках, мы наблюдаем повторяемость итоговых значений, что лишний раз доказывает, что “языки как бы заново открывают одни и те же элементы смысла” [Кибрик 1992: 12–13], выбирая в данном случае именно конструкции с глаголами движения для выражения тех или иных значений из семантического универсума.

Мы вполне допускаем, что дальнейшие исследования языков мира (лишь ничтожно малая часть которых рассмотрена в нашей работе) пополнят этот список и расширят наши представления о пределах варьирования при грамматикализации. В целом же представляется, что, не указав всех принципиально возможных случаев грамматикализации глаголов движения, мы по крайней мере смогли очертить некоторый круг наиболее важных случаев такого рода, определить я д е р н у ю область данного явления.

3.1.2. Общая характеристика результатов грамматикализации глаголов движения

Результаты, приведенные в таблице, позволяют ответить на вопрос, с какими именно грамматическими категориями в целом связана грамматикализация глаголов движения.

Прежде всего результаты грамматикализации глаголов движения связаны с грамматическими к а т е г о р и я м и г л а г о л а, и в особенности с его семантическими категориями. Это обстоятельство не кажется удивительным, если принять во внимание тот факт, что исходно в процесс грамматикализации вступают, как правило, глагольные аналитические формы с глаголом движения в роли вершины: таким образом, в результате грамматикализации подобных конструкций глагол движения вполне закономерно превращается именно в глагольный модификатор⁹.

Показателями с и н т а к с и ч е с к и х о т н о ш е н и й глаголы движения становятся значительно реже. В качестве же примеров использования конструкций с глаголами движения как не-глагольных модификаторов отметим показатели временной референции и временной дистанции в океанийских языках (функционирующие как модификаторы имени); показатели, маркирующие эталон сравнения (в этих же языках) [Lichtenberk 1991], а также случаи превращения глаголов движения в предлоги (в изолирующих языках Юго-Восточной Азии [Matisoff 1991: 434] и Западной Африки [Маянц 1982: 97]).

3.1.3. Частота случаев грамматикализации конкретных глаголов

С точки зрения того, какие глаголы наиболее часто вступают на путь грамматикализации, иерархия глаголов движения выглядит следующим образом:

• “чемпионами” грамматикализации являются глаголы ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ (представлены более чем 80-ю случаями каждый);

⁹ Ср., например, анализ процесса превращения аналитической конструкции в глагольный аффикс в [Heine, Reh 1984: 140].

• с большим отрывом от них располагаются ХОДИТЬ (вместе с 2 случаями 'бродить'), ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ и ВОЗВРАЩАТЬСЯ, представленные более чем 10-ю случаями;

• далее (уже с относительно небольшим отрывом) идут глаголы СПУСКАТЬСЯ, ВЫХОДИТЬ, ВХОДИТЬ, СЛЕДОВАТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ.

Эти наблюдения позволяют, в частности, сделать вывод о приоритете при грамматикализации основных действительных глаголов движения – ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ: они и грамматикализуются чаще всего, и характеризуются наибольшим разнообразием результатов грамматикализации.

Не лишена интереса постановка задачи о возможных и м п л и к а т и в н ы х з а к о н о м е р н о с т я х, которые могут существовать между разными случаями грамматикализации глаголов движения в конкретном языке (например, "если в языке L грамматикализован глагол V_1 , то грамматикализован и глагол V_2 "). Рассмотрение этого вопроса в целом выходит за рамки настоящего исследования; отметим лишь, что наиболее бесспорной кажется следующая закономерность (выполняющаяся в 97–98% случаев):

(1) Если в языке L имеет место грамматикализация каких-либо глаголов движения, среди них имеются глаголы *идти/уходить и/или приходить*.

3.1.4. Разброс значений результатов грамматикализации для конкретных глаголов

Пределы варьирования результатов грамматикализации различны для разных глаголов движения. Для глаголов, стоящих на первом месте по частотности грамматикализации, разброс результирующих значений весьма значителен: данные глаголы движения превращаются в показатели пространственного дейксиса, в показатели с видовыми, временными, модальными значениями, в синтаксические показатели.

Закономерность, имеющуюся в данном случае, можно сформулировать следующим образом:

(2) Чем чаще подвергается грамматикализации некоторая лексическая единица, тем большее число разных путей грамматикализации ей свойственно.

Утверждения о предпочтительных путях грамматикализации для конкретных глаголов носят исключительно вероятностный характер: так, наиболее вероятными путями развития глагола ВОЗВРАЩАТЬСЯ является его превращение в показатель *рефактива* (со значением 'действие совершается повторно'), а также *рефлекси́ва*; вместе с тем, в тайском языке данный глагол используется как вспомогательный элемент с модальным значением 'делать вопреки ожидаемому' [Морев 1991: 156].

Выводы о предпочтительности тех или иных путей грамматикализации для конкретных глаголов могут выглядеть следующим образом:

(3) Конструкция с глаголом *приходить* в результате грамматикализации с наибольшей вероятностью ($\approx 33\%$) приобретает значение из "имперфективной" аспектуальной области (*градатив*, *дуратив*, *хабитуалис*). Также вероятны значения *проспектива / будущего времени* и значение *комплети́ва* (\approx по 17,5%), в меньшей степени – выражение *временной близости* (в прошлом), *возможности*, *относительного следования*, использование в *пассивной* конструкции.

(4) Наиболее вероятным путем грамматикализации глагола (конструкции с глаголом) *ходить* является приобретение им значения *дуратива* и/или *хабитуалиса*.

(5) Наиболее вероятным путем грамматикализации глагола (конструкции с глаголом) *входить* в качестве глагольного модификатора является приобретение им значения *инхоатива*, а в качестве именного – значения *инлатива* ('внутри').

Для формулирования более строгих закономерностей представляется необходимым знакомство с более обширным языковым материалом.

3.2. Характеристика основных путей грамматикализации

Данный раздел посвящен краткой характеристике основных путей грамматикализации конкретных глаголов движения и организован по принципу “от значения – к конструкциям, которые могут приобретать данное значение в ходе грамматикализации”. Мы ограничиваемся рассмотрением глагольных категорий, последовательно разбирая тематические зоны, в которых были обнаружены результаты грамматикализации глаголов движения. Эти три зоны таковы¹⁰:

- темпоральная (абсолютное время, относительное время, временная дистанция),

- аспектуальная (широкое и разнородное пространство значений, включающая в себя несколько частных видовых категорий; о ее структуре с типологической точки зрения подробнее см., например, [Плунгян 1997]),

- модальная (также довольно обширная область, объединяющая категории так называемого “модального континуума”, т.е. категории, связанные с выражением определенных отношений говорящего или субъекта речи к описываемой ситуации, а также с обозначением степени реальности ситуации).

Отдельные области представляют собой обозначение пространственной ориентации (а именно, локализации и направления) и категории, связанные с актантной структурой (актантная деривация, залог), а также согласовательные категории типа класса, числа, лица.

3.2.1. Категории пространственного дейксиса

Прежде всего, во многих языках мира глаголы движения используются как чистые показатели направления и локализации, как **директивы**. В данном случае глаголы движения образуют сложные конструкции, в которых они сочетаются в первую очередь с др. глаголами перемещения или изменения состояния (типа *бежать* или *лететь*) и обозначают направление, в котором развивается ситуация.

Глаголы движения в директивной функции могут образовывать сериальные конструкции (см., например, [Givón 1991: 83 и сл.]), либо выступать как финитные компоненты аналитических форм (в дравидийских, тюркских языках); могут, наконец, превращаться в аффиксальные показатели с пространственным значением (океанийские языки).

В простейшем случае в директивной функции используются только глаголы ПРИХОДИТЬ и УХОДИТЬ, выступающие как своего рода дейктические антонимы: в этом случае происходит ориентация ситуации относительно местонахождения говорящего (‘сюда’ ~ ‘отсюда’). Ср. в тайском *ʔaw maa* ‘приносить = брать + + приходить’ vs. *ʔaw paj* ‘уносить = брать + уходить’ (см. ряд примеров в [Matisoff 1991: 439]).

В случае развитой системы директивов другие глаголы движения также используются в функции пространственных модификаторов, ср. кхмерское *hax tʰo:lʰ mək* ‘влететь сюда = лететь + входить + приходить’ [Горгониев 1984: 940–941]. Тем самым, глаголы движения служат для обозначения всевозможных типов пространственной локализации и ориентации ситуации (об этих категориях см. подробнее [Мельчук 1998: 48–60]).

Конструкции с дейктическим пространственным значением являются первым шагом на пути к грамматикализации глаголов движения; такое использование данных глаголов является наиболее предсказуемым и широко распространенным.

В директивном употреблении глаголов движения мы имеем дело с практически полным сохранением исходного пространственного значения данных глаголов. Су-

¹⁰ Ср. объединение этих трех семантических зон в термине “TMA categories” (= Tense-Mood-Aspect categories), часто фигурирующем в западных работах по грамматической типологии.

шествуют, однако, и случаи большей “продвинутой” директивных показателей по степени грамматикализации: так, для ряда океанийских языков отмечается превращение глаголов УХОДИТЬ и (что более нетривиально) ПРИХОДИТЬ в показатели **пространственной дистанции** со значением ‘ситуации происходит в месте, удаленном от действительного центра’ [Lichtenberk 1991: 483–484, 495–496].

(6) вангуну [Lichtenberk 1991: 495]¹¹

Riqa lavata-na i-ni ko la pa sule pia.
 потоп большой-его FOC-он имеется **уходить** в река тот

Там на реке большое наводнение (река находится далеко от говорящего и слушающего).

Здесь, тем самым, речь идет лишь о местоположении, а не о направлении движения, т.е. такой важный компонент значения глаголов движения, как собственно ‘перемещение’, на данном этапе грамматикализации уже утрачивается.

3.2.2. Аспектуальные категории

Значения из а с п е к т у а л ь н о й зоны преобладают в качестве итоговых значений грамматикализированных конструкций с глаголами движения. Аспектуальная семантическая зона в целом включает множество категорий, которые характеризуют ситуацию “изнутри”, с точки зрения ее протекания во времени (так наз. “внутреннее время” ситуации). Одним из основных противопоставлений здесь можно считать противопоставление длящихся и недлящихся ситуаций; вслед за Б. Комри [Comrie 1976] мы будем говорить в данном случае об и м п е р ф е к т и в н ы х и п е р ф е к т и в н ы х значениях, соответственно.

Что касается имперфективной группы значений, то конструкции с глаголами движения используются для выражения нескольких их разновидностей (возможна и ситуация совмещения разных значений у одной формы, в зависимости от семантики смыслового глагола или контекста). Так, значение **градатива**¹² ‘динамическая ситуация Р развивается в направлении постепенного накопления результата (типа русск. *все больше и больше*)’ характерно для конструкций с ИДТИ (в большинстве романских языков, многих тюркских, ряде дравидийских и новоиранских, в хинди и др.):

(7) испанский [Левинтова, Вольф 1964: 91]

E1 enfermo va **mejora-ndo**
 DEF.M больной **ИДЕТ поправляться-CONV**

Больному (постепенно) становится лучше (т.е. он все более и более выздоравливает).

и ПРИХОДИТЬ (также в романских, тюркских, дравидийских языках, таджикском, хинди и др.), ср.:

(8) башкирский [Юлдашев 1965: 77]

Ит **беше-п** килэ.
 мясо **варить-CONV ПРИХОДИТ**

Мясо доваривается.

Значения **дуратива** ‘в момент Т ситуация Р длится, то есть Р имела место до Т и будет иметь место после Т’ и **хабитуалиса** ‘ситуация Р имеет место постоянно или

¹¹ В работе используются следующие обозначения: Р – “ситуация”, V – “глагол”, Т – “момент времени”, М – “значение”. Во второй строке примеров дается упрощенный морфемный разбор, при этом используются следующие сокращения: DEF, IND – определенный, неопределенный артикль; М, F – мужской; женский род; PST – прошедшее время; PART – причастие; CONV – деспричастие или герундий; FOC – focus; LOC – locative; OBJ – objective case. Переводы слов в строке морфемного разбора, а также примеров, заимствованных не из русскоязычных работ (и португальских примеров), принадлежат автору, который несет ответственность за возможные неточности. Португальские примеры, не снабженные ссылкой, заимствованы из произведений художественной литературы.

¹² Данный термин, хотя и в несколько другом значении (а именно, для обозначения определенного таксономического класса предикатов, типа русск. *усилиться*), предложен в работе [Падучева 1996: 177].

регулярно на определенном отрезке времени (*обычно, как правило*), или является свойством субъекта' довольно часто встречаются как у глаголов ИДТИ и ПРИХОДИТЬ, так и глагола ХОДИТЬ, для которого основным путем грамматикализации является приобретение именно этих значений¹³. Такова ситуация в большинстве тюркских языков и ряде романских, ср.:

(9) португальский [Никонов 1985: 156]

Raciência?! **Andas** a **pedir-me** paciência há um século...
 терпение **ХОДИШЬ** к **просить-меня** терпение имеется один век
Терпение?! Да ты уже сто лет призываешь меня к терпению...

Часто конструкции с глаголами движения становятся средством выражения перфективных значений, в частности **комплетива** 'ситуация Р достигла предела, результата своего развития' (о разновидностях перфективного значения см. [Плунгян 1998a]). Приобретение комплетивного значения отмечается у глаголов ИДТИ//УХОДИТЬ (во многих дравидийских, тюркских языках, в некоторых иранских, тайских и др.) и ПРИХОДИТЬ (романские, тюркские языки), а также ВЫХОДИТЬ (некоторые тюркские, таджикский) и ПРОХОДИТЬ, ПЕРЕХОДИТЬ (некоторые тюркские, таджикский, малайлам). Ср. пример (10) из башкирского языка, а также (11) из телугу, в котором комплетивная конструкция с глаголом УХОДИТЬ употребляется со смысловым оттенком "полного охвата объекта"¹⁴:

(10) башкирский [Юлдашев 1965: 81–83]

Сәй кайна-п сы кты.
 чай **кипеть-CONV** **ВЫШЕЛ**
Чай вскипел.

(11) телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 215]

annaṁ tin-eesEEDu.
 еда. OBJ **есть. PART-УШЕЛ**
Он съел еду (всю, до конца).

В ряде случаев перфективная конструкция с глаголом движения может иметь значение не только комплетивное, но скорее инхоативное. Так, в нижеследующих примерах (глаголы *chegar* и *vir* оба значат 'приходить') речь идет о том, что развитие ситуации п р и в е л о в точке отсчета к некоторому результату, причем в (13) таким результатом является наступление новой ситуации, а не достижение предела ситуации, уже имевшей место, как в (12):

(12) португальский [Вольф, Никонов 1965: 106]

O velho barão **veio** a **morrer**.
 DEF.M старый барон **ПРИШЕЛ** к умереть
Старый барон (в конце концов) умер.

(13) португальский [Никонов 1981: 161]

Houve um murmúrio, alguns **chegaram** a **gritar**.
 имелся IND.M ропот некоторые **ПРИШЛИ** к кричать
(По толпе) прошёл ропот, некоторые закричали.

Аналогичное употребление допускают и конструкции с глаголами *куру* 'приходить' и *ику* 'уходить' с деепричастиями в японском языке: если в первом случае акцент делается на достижение ситуацией предела, то во втором, напротив, на начале процесса [Алпатов (рукопись)].

¹³ То же верно для конструкции с глаголом БРОДИТЬ, зафиксированной в языке ятые (группа ква конго-кордофанской семьи) и в хинди; см., соответственно, [Heine, Reh 1984: 129; Липеровский 1984: 200–201].

¹⁴ Следует отметить, что такие "оттенки значения", как полный охват объекта или интенсивность, в целом характерны для форм с комплетивным значением [Bybee et al. 1994: 57–60].

Преобразование в чисто **инхоативный** показатель, обозначающий начальную фазу ситуации, характерно для нескольких глаголов движения: глагол ИДТИ грамматикализуется в показатель инхоатива в таких тюркских языках, как якутский и долганский, а также в некоторых языках банту и в персидском¹⁵, глагол ПРИХОДИТЬ – в океанийских языках и в языке гусии (банту), глагол ВХОДИТЬ – в тувинском, ПОДНИМАТЬСЯ – в кхмерском, китайском, вьетнамском. Значение инхоатива является также единственным из встретившихся нам итоговых значений грамматикализации для глагола ВХОДИТЬ (в некоторых тюркских языках и хауса), ср.:

- (14) хауса [Смирнова 1960: 54, 70]
Suka **shiga** пета.
они.PST **ВХОДИТЬ** искать
Они приступили к поискам...

Континуативное значение 'ситуация Р продолжается (*все еще, по-прежнему*)' выражается в ряде иберо-романских языков при помощи конструкции с глаголом СЛЕДОВАТЬ (отметим также, что это единственный встретившийся нам случай грамматикализации данного глагола):

- (15) испанский [Левинтова, Вольф 1964: 92]
Seguirán **lucha-ndo.**
будут.СЛЕДОВАТЬ бороться-CONV
Они будут продолжать борьбу.

Конструкции с глаголами движения распространены и в качестве средств выражения более частных видовых значений, подробный разбор которых в рамках настоящего обзора невозможен: так, одним из наиболее распространенных путей грамматикализации глагола ВОЗВРАЩАТЬСЯ является превращение в показатель **рефактива** 'ситуация Р воспроизводится повторно (*опять, еще раз, заново*)' (в романских, океанийских языках); в ряде языков Юго-Восточной Азии показатели, восходящие к глаголу ПРОХОДИТЬ, используются для выражения **экспериментального** (или "общезначительного") значения 'субъекту ситуации Р уже приходилось (хотя бы раз) совершать Р' (в китайском, некоторых тайских). Конструкция с глаголом СПУСКАТЬСЯ имеет в ряде тюркских языков **аттенуативное** значение 'ситуация Р имеет ослабленную интенсивность: *чуть-чуть, слегка*' [СТЛЯ 1969: 283; ГСБЯ 1981: 229], а в некоторых обозначает **моментальность**, быстроту совершения действия [Харитонов 1960: 69; Исхаков, Пальмбах 1961: 414; СТЛЯ 1969: 282; ГХЯ 1975: 185; Убрятова 1985: 155].

Отдельно следует сказать и о таком интересном случае грамматикализации глаголов движения, когда несколько глаголов используются в качестве средства выражения одного грамматического значения – речь идет о **перфективе** (в его как комплективной, так и инхоативной разновидности) – будучи распределены при этом по типам смысловых глаголов. В качестве таких перфективных модификаторов глаголы движения используются, в частности, в ряде языков Юго-Восточной Азии.

В этих языках восходящие к глаголам движения модификаторы, присоединяясь к смысловым глаголам (обозначающим "действия как таковые"), образуют сложные глаголы, которые обозначают уже "не просто действие как таковое, а определенный переломный момент в совершении этого действия – обычно момент достижения этим действием какого-либо результата..." [Яхонтов 1957: 91 и сл.]. При этом, в отличие от упоминавшихся выше случаев, эти модификаторы **дополнительно распределены** по сочетаемости с классами основных глаголов. Глаголы каждого из

¹⁵ Ср. также случай русск. глагола *пойти* 'начать идти' (в предложениях типа *Он как пойдет рассказывать – не остановишь*): хотя данная конструкция и не является стилистически нейтральной, мы имеем дело с бесспорным случаем грамматикализации данного глагола. Данный случай разбирается также в работе [Храковский 1987: 169–170].

классов сочетаются только с одним из глаголов-перфективаторов, причем число последних может быть различным. В китайском это глаголы 'подниматься' (в двух вариантах), 'спускаться', 'выходить', 'входить', 'проходить' и некоторые другие (см. [Яхонтов 1957: 92; Горелов 1984: 81; Горелов 1989: 54; Антонян 1997]). В тайских языках в данной функции используются глаголы 'входить', 'выходить', 'подниматься', 'спускаться' [Морев 1991: 165]. Во вьетнамском языке для обозначения "переломного момента в развитии действия или существования признака" используются глаголы 'идти', 'выходить', 'приходить' [Панфилов 1993: 186–195]. Близка к описанной и ситуация в некоторых индо-арийских языках (например, хинди и маратхи), в которых существует противопоставление простых глаголов и "предельных", или "интенсивных", форм – конструкций с комплетивным значением, образуемых так наз. "векторными глаголами" (среди которых не последнее место занимают глаголы движения) [Катенина 1960: 70; Катенина 1963: 68; Липеровский 1984: 164 и сл.; Ноок 1991].

Отметим, что данное явление имеет очевидные параллели с перфективацией в русском (и др. славянских) языке, где для образования глаголов совершенного вида используются приставки, многие из которых также имеют исходно пространственное значение, причем распределение приставок также зависит от семантики глагольного корня. (См. обзор проблематики в [Кронгауз 1998: 55–98].)

3.2.3. Временные категории

Нам известны лишь три типа случаев, когда конструкция с глаголом движения становилась бы средством выражения абсолютной или относительной временной референции¹⁶. Речь идет об обозначении будущего времени, прошедшего времени и (относительного) следования во времени.

Превращение глаголов ИДТИ и ПРИХОДИТЬ в показатели **будущего времени** является едва ли не наиболее распространенным случаем их эволюции; в качестве примера достаточно указать на такие языки "среднеевропейского стандарта", как английский и французский (ср. предложения типа *I'm gonna leave* или *Je vais partir*). Грамматикализация будущего времени вообще относится к достаточно хорошо изученной области грамматической типологии; стоит указать прежде всего на такие работы, как [Ullan 1978; Fleischman 1982; Bybee, Dahl 1989: 90–94; Bybee et al. 1994: 243–280]; формы будущего времени, восходящие к конструкциям с глаголами движения, получили даже специальное обозначение ("GO-futures" и "COME-futures"). Случаи превращения одного из двух основных глаголов движения в показатель будущего времени имеются во многих языках Африки, некоторых дравидийских и тюркских языках, а среди языков Европы, кроме английского – во многих романских языках, в датском, шведском и финском.

Здесь, однако, необходимо сделать одно важное замечание, которое касается семантических особенностей форм будущего времени, восходящих к глаголам движения. Как известно, формы будущего времени, источниками грамматикализации которых послужили конструкции с разными глаголами (например, глаголами движения vs. модальными глаголами типа *хотеть*, *быть должным*), обладают различными оттенками значения, в чем проявляется их семантическая связь с исходными лексическими единицами. Что же касается GO- и COME-futures, то эти формы, по крайней мере на ранних этапах своего развития, выражают не время как таковое, а скорее особый вид, а именно **перспектив** (prospective aspect). Соображение о скорее видовом, нежели временном характере таких форм подтверждается и тем, что часто перспективные показатели сочетаются с собственно временными, так что оказывается возможным как "перспектив настоящего времени", так и "перспектив прошедшего времени".

¹⁶ Под абсолютной временной референцией мы понимаем указание времени ситуации по отношению к моменту речи, под относительной – по отношению к другой точке отсчета [Маслов 1983; Comrie 1985; Бондарко 1990].

Ср., например, следующие примеры:
(16) телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 224]

а. puwwu paDa-bootunnaawu.
ты падать-ИДЕШЬ

Ты сейчас **упадешь** (англ. *are about to fall*).

б. waaDu paṃṃu koṭṭa-booyEEDu.
он меня ударить-ШЕЛ

Он **собирался было ударить** меня.

Перспектив вводит в рассмотрение положение дел, которое содержит в себе "ростки" для некоторой последующей ситуации [Comrie 1976: 64–65; Fleischman 1982: 17–20, 78]. В связи с этим справедливо будет утверждать, что конструкции с глаголами движения, имеющие временную референцию в плане будущего, как правило маркируют не будущее как таковое, а некоторое положение дел в настоящее м¹⁷: а именно, сообщается о том, что в момент речи положение дел таково, что оно может привести к возникновению определенной ситуации в будущем. Значение будущего времени (в случае если отсчет идет от момента речи) или, соответственно, значение следования точке отсчета в прошлом, возникает, тем самым, как прагматическая импликация.

Конструкции с перспективным значением зачастую интерпретируются как 'находиться на грани осуществления' (хорошим английским аналогом является *to be about to*), причем в случае с перспективом прошедшего времени значение 'в момент T ситуация находилась на грани осуществления' имплицитно подразумевает 'после T ситуация так и не осуществилась'. Ср., например, (17), в котором португальская конструкция *ir a + inf.* обозначает нереализованную попытку:

(17) португальский

О juiz ia a abrir a boca para falar...
DEF.M судья ШЕЛ к открыть DEF.F рот чтобы говорить

Судья **открыл было рот**, чтобы (что-то) сказать (, но...).

В основе форм с перспективным значением лежит исходная пространственная конструкция со значением приближения к цели: речь идет о конструкции 'идти к' и 'приходить к' (не случайно в перспективной конструкции используется, как правило, "целевая форма" – инфинитив). Обозначение движения субъекта к некоторой точке в пространстве используется для обозначения его нахождения на пути к некоторой новой ситуации: субъект движения "идет к" этой новой ситуации (в случае использования конструкции с ИДТИ) или "приходит" к ней (в случае с ситуацией ПРИХОДИТЬ). Во втором случае можно говорить об изменении перспективы, точнее – о смене позиции наблюдения, с которой говорящий рассматривает движение субъекта ситуации (см. рассуждения по этому поводу в [Emanatian 1992: 5–8, 16–18]).

Обратным случаем по отношению к рассмотренному только что является обозначение **ситуаций в прошлом** при помощи конструкций с глаголами движения. Действительно, если мы "идем к" будущему, то из прошлого мы "приходим". Среди языков, в которых конструкция со значением 'приходить из' используется для обозначения ситуации в прошлом, отметим французский с его *Passé immédiat*, галисийский, многие африканские языки, а также китайский, ср.:

(18) китайский [Драгунов 1952: 132]

Гэй жэньцзя кань ню лай.
для люди смотреть корова PST

(Вопрос: *А те два года ты чем занимался?* Ответ:) **Работал** пастухом.

¹⁷ Не случайно вспомогательный глагол в таких формах стоит именно в настоящем времени.

Здесь мы, однако, опять сталкиваемся со сложной ситуацией, когда очевидно, что отнюдь не во всех случаях подобные формы "прошедшего времени" обозначают собственно временную референцию. В описаниях часто отмечается (по крайней мере, для романских и ряда африканских языков), что эти формы используются для обозначения "близкого прошедшего": т.е., по сути дела, значением данных форм является **временная близость** – как по отношению к моменту речи, так и другой точке на временной оси. Так, в примере (19) мы имеем дело отнюдь не с "близким прошлым" по отношению к моменту речи, но с непосредственным предшествованием другой ситуации в прошлом (конструкция *vir de + inf.* стоит в имперфекте):

(19) галисийский [Rojo 1974: 127]

Viña de rematar a licenciatura cando empezou a guerra.
ПРИШЕЛ из защитить DEF.F диплом когда разразилась DEF.F война

(Я/Он) только-только защитил диплом, когда началась война.

Здесь мы, как кажется, имеем дело с формой, симметричной по значению проспективу: если проспектив обозначает положение дел, которое может привести к некоторой ситуации Р (в будущем), то "ретроспектив" – положение дел, к которому привела некоторая ситуация Р¹⁸.

Насколько позволяет судить рассмотренный нами материал, глаголы движения практически не становятся показателями абсолютной временной референции и "в чистом виде". Что же касается превращения глаголов движения в показатели относительной временной референции, а именно, **следования** во времени, то здесь встречаются также лишь глаголы ИДТИ и ПРИХОДИТЬ, причем первый из них чрезвычайно распространен в данной функции в океанийских языках [Lichtenberk 1991], а второй – в африканских [Traugott 1978]; оба глагола используются в функции маркеров следования в меланезийском пиджине [Keesing 1991].

Подобные показатели функционирует как своего рода дискурсивные маркеры, указывающие на то, что описываемая в предложении ситуация следует за событиями, о которых говорилось в предыдущем предложении нарратива, ср.:

(20) меланезийский пиджин [Keesing 1991: 332]

olketa pipol olketai go taleaot long hem moa.
 PLU люди они **ИДТИ** рассказать LOC это больше

И потом люди рассказали об этом.

3.2.4. Модальные категории

Модальные значения в качестве итоговых значений грамматикализации глаголов движения встречаются значительно реже. Наиболее распространено, по-видимому, использование конструкций с глаголами движения для выражения императивных значений. При этом особенно часто встречается случай выражения **гортатива** – обращения говорящего к собеседнику(-ам) с призывом совершить некоторое действие совместно (типа русск. *Давайте за это выьем!*)¹⁹. Ср. следующий пример:

(21) португальский

Vamos levá-lo para o carro.
ИДЕМ вести-его к DEF.M машина

Давайте отнесем его в машину.

¹⁸ Можно сказать даже, что если проспектив сравнивают с "ростками" последующей ситуации, то ретроспектив правильно будет сравнить с ее "опавшими листьями", которые указывают, что некоторая ситуация уже имела место и завершилась.

¹⁹ В русистике подобные формы называются, как правило, формами "совместного действия" [Володин, Храковский 1986: 24]. Термин же "гортатив" встречается, например, у А. Исаченко [Исаченко 1960: 490].

Конструкции с ИДТИ употребляются в качестве средства выражения гортатива в иберо-романских языках, в иврите [Малыгина 1992: 146], в языке миштек отомангской семьи [Macauley 1996: 136–138], в языке рама семьи чибча [Craig 1991: 477, 485]. Конструкции с ПРИХОДИТЬ – также в иврите [Малыгина 1992: 146], в ягнобском языке [ОИЯ 1987: 693], в эве (группа ква конго-кордофанской семьи) [Агбоджо, Литвинов 1992: 215].

Данных о превращении глаголов движения в собственно **императивный** показатель, маркирующий приказание или просьбу, обращенную к слушающему, существенно меньше: отметим вьетнамский [Быстров, Станкевич 1992: 248–249], маори [Полинская 1992: 223], а также, предположительно, некоторые языки банту (ньянджа, ганда, ньякбюса; см. [Аксенова 1997: 182]). Имеется также случай использования конструкции с глаголом ХОДИТЬ (в отрицательной форме) для выражения **прохибитива** (т.е. отрицательного императива) в башкирском [Юлдашев 1965: 73; ГСБЯ 1981: 72].

Помимо этого, глаголы движения используются для обозначения различных типов и е р е а л ь н ы х ситуаций, причем встречаются они и в зоне возможности, и в зоне должноствования. Так, ПРИХОДИТЬ встречается в качестве показателя потенциально **возможных** ситуаций в языках телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 223; Петруничева 1960: 77; Дзенин, Гуров 1972: 735] и каннада [Андронов и др. 1979: 756; Spencer 1950: 311], причем "возможность" эта может пониматься достаточно широко: осуществление действия одобрено самим говорящим ('можно, разрешено сделать Р'), говорящий может оценивать ситуацию как вероятную ('возможно, имеет место Р'), или же осуществление ситуации может быть возможным в силу способностей, свойств самого субъекта ('может, в состоянии сделать Р'). Ср. пример (22), в котором конструкция с ПРИХОДИТЬ выражает э п и с т е м и ч е с к у ю м о д а л ь н о с т ь (в данном случае – предположение о том, что ситуация Р имела место).

(22) телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 226]

atanu ninnahee wacci uNDA-waccu.

он вчера приехать быть-ПРИХОДИТЬ

Возможно, он приехал (англ. *may have arrived*) вчера.

Что касается использования глагола ПРИХОДИТЬ в отрицательной форме (дравидийские языки, турецкий, вьетнамский), то здесь выражается отсутствие возможности или необходимости совершения некоторого действия ('не может, не должен, не нужно, не следует делать Р').

Глагол ИДТИ/УХОДИТЬ в ряде океанийских языков грамматикализован в качестве показателя **ирреальных наклонений** и употребляется в условных предложениях, причем для обозначения как потенциальных ('Р возможно, если ...'), так и контрфактических условий ('Р невозможно; Р было бы возможно, если бы ...') [Lichtenberk 1991: 494–495]. Использование ИДТИ в отрицательных условных и уступительных предложениях отмечается в телугу [Петруничева 1960: 79; Krishnamurti, Gwynn 1985: 227–228]. Форма с глаголом ИДТИ используется в маратхи в качестве средства выражения "нежелания, субъективной невозможности совершения действия" [Катенина 1960: 65].

3.2.5. Синтаксические показатели

Средством выражения синтаксических отношений конструкции с глаголами движения становятся также относительно редко. По-видимому, наиболее распространено их использование в **пассивной конструкции**, столь характерное, например, для иранских языков. Аналитические формы пассива засвидетельствованы уже на раннем этапе развития новоперсидского языка (X век): это были конструкции с причастием прошедшего времени основного глагола и глаголами 'идти, уходить', 'приходить', а также 'вращаться, двигаться' в качестве вспомогательного [ОИТИИЯ 1975: 323; ОИЯ 1982: 150]. Глагол 'идти, уходить' получил в связи с этим во многих языках

значении 'делаться, становиться'; сейчас пассив с его помощью образуется во многих новоиранских языках: мунджанском, осетинском, кохруди [ОИТИИЯ 1975: 327], языке сои [ОИЯ 1991: 325], шугнано-рушанских языках [ОИЯ 1987: 329], персидском [Дорофеева 1960: 53]; а также в нуристанском языке кати [ДНЯ 1999: 107]. Конструкция с глаголом УХОДИТЬ служит средством выражения пассивного ("инактивного") залога в хинди, аналогичная форма пассива имеется в маратхи [Катенина 1963: 77; Липеровский 1984]. Использование глагола ПРИХОДИТЬ для образования пассивной конструкции встречается несколько реже; отмечается оно в тех же группах языков: в ряде новоиранских (в северном диалекте татского языка [ОИЯ 1982: 277–278], в курманджи [ОИТИИЯ 1975: 327]), в дардском языке гавар [ДНЯ 1999: 91], а также вновь в маратхи и хинди [Катенина 1963: 77; Липеровский 1984: 218]. Перифрастические формы пассива с основными глаголами движения (*andare, venire*) известны и в итальянском [Алисова и др. 1982: 67–68]²⁰.

Помимо этого, отметим использование глаголов движения как средства ролевой маркировки: так, глагол ПРИХОДИТЬ превратился в показатель **бенефактива** (актанта, для которого, в пользу которого совершается действие) в языке лаху сино-тибетской семьи [Matisoff 1991: 396], а в языке фиджи глагол с аналогичным значением развился в показатель, маркирующий **агенса** в пассивной конструкции ('X-ом, посредством X-а') [Lichtenberk 1991: 486]. В нескольких океанийских языках отмечено превращение глагола ВОЗВРАЩАТЬСЯ в показатель **рефлекси́ва** [Lichtenberk 1991: 504]; в китайском языке бивербальная конструкция типа "V приходиться V уходить" является средством выражения **реципрока** [Liu 1997].

Что же касается использования показателей, восходящих к глаголам движения, в качестве средств маркирования синтаксической зависимости, то здесь следует упомянуть прежде всего превращение *лай* (*lái*) 'приходить' и *цюй* (*qù*) 'уходить' в показатели **целевого придаточного** в китайском языке [Горелов 1989: 179]. (В ряде китайских диалектов процесс грамматикализации *цюй* (или *чи*) прошел еще дальше, там этот глагол стал показателем инфинитива [Драгунов 1952: 123].)

(22) китайский [Драгунов 1952: 122]

Во чу мэнь *цюй* май дяр дунси.
я покидать дверь **ЧТОБЫ** купить немного вещь
Я вышел из дому, чтобы кое-что купить.

Аналогичный показатель (subordinating marker), оформляющий зависимую предикацию – прежде всего целевую – и восходящий к глаголу ИДТИ, имеется в языке рама [Craig 1991: 469–470].

Конструкции с глаголами ПРОХОДИТЬ (ЧЕРЕЗ) и ПЕРЕХОДИТЬ (ЧЕРЕЗ) являются распространенной моделью **сравнительной конструкции** во многих тайских языках. Эта сравнительная конструкция имеет вид "А большой превосходит (ПЕРЕХОДИТ или ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ) Б": за точку отсчета при описании некоторого свойства объекта Б принимается аналогичный признак у объекта А, и утверждается, что А этот признак свойственен в большей степени [Морев 1991: 175–176]. Ср.:

(23) маonan [Морев 1991: 176]

ng₂ vong₁ *taa*₆ fia₂.
ты высокий **ПРОХОДИТЬ. ЧЕРЕЗ** я
Ты выше меня.

²⁰ Здесь следует заметить, что во многих из перечисленных языков пассивные конструкции с глаголом движения сосуществуют с другими пассивными конструкциями, прежде всего с глаголом "быть" (имеющими стативное значение): вероятно, конструкции с глаголами движения в таких случаях не являются чисто залоговыми, но связаны и с выражением определенных аспектуальных значений.

Итак, в предыдущем разделе были охарактеризованы основные пути грамматикализации глаголов движения. Каждый такой путь, т.е. каждый случай эволюции конкретного глагола, имеет в качестве своего источника конструкцию с тем или иным глаголом движения; результатом является приобретение данной конструкцией грамматического значения из Универсального грамматического набора. (С формальной точки зрения, данная эволюция может сопровождаться также потерей показателем автономности, превращением его в клитику или аффикс и т.п.)

В идеальном случае грамматикализации мы имеем однозначное соответствие между лексемой-источником грамматикализации и результирующим значением, получаемым на выходе. Ситуации, близкие к идеалу, действительно встретились нам в ходе исследования (см., например, выше возможную универсалию (5) о пути грамматикализации глагола ВХОДИТЬ); в целом же, такой "идеальный" путь развития является скорее исключением, чем правилом. Гораздо чаще встречаются случаи, когда одна исходная лексическая единица совместима с несколькими различными итоговыми значениями: при этом, разные итоговые значения могут появляться в ходе ее грамматикализации не только в разных языках, но и в одном языке.

Во-первых, одна единица-источник грамматикализации может быть связана с несколькими итоговыми значениями, причем среди последних могут встречаться значения, относящиеся едва ли не к противоположным семантическим областям. Так, выше говорилось о том, что среди итоговых значений грамматикализации глаголов ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ имеются как значения, относящихся к перфективной аспектуальной области ("целостное" рассмотрение ситуации или введение в рассмотрение "переломного" – начального, конечного – ее этапа), так и показатели частных значений имперфективной зоны (обозначении срединной фазы развивающейся ситуации, обозначение длительной ситуации и пр.).

Такая ситуация наблюдается прежде всего среди глаголов, наиболее часто грамматикализирующихся в языках мира и демонстрирующих наибольший разброс итоговых значений.

Ситуация столь сильного расхождения значений результатов грамматикализации близких по значению лексических единиц в разных языках (а иногда и в пределах одного) является, возможно, несколько неожиданной, но вполне объяснимой. Прежде всего, следует учитывать тот факт, что на вход грамматикализации поступают не лексические единицы как таковые, а конструкции с определенным значением²¹. Так, в случае будущего времени / перспектива мы имеем дело с исходными конструкциями, обозначающими приближение к цели ('идти к', 'приходить к'); напротив, в случае со значением "близкого прошлого" речь шла о конструкции со значением удаления ('приходить из').

Важно иметь в виду, что на одну и ту же ситуацию действительности можно взглянуть по-разному: при определенной точке зрения в наше рассмотрение попадает прежде всего тот или иной ее аспект. Перспектива рассмотрения каждой из ситуаций движения может быть различной²², что обеспечивает разнообразие возможных переосмыслений, а следовательно, и результатов грамматикализации.

Во-вторых, возможен и обратный случай: две различные единицы-источники грамматикализации могут в качестве результата давать близкие, если не тождественные, значения²³.

²¹ На это обстоятельство обращают внимание и авторы работы [Bybee et al. 1994: 11–12].

²² Так, ситуация 'приходить' предусматривает, с одной стороны, нахождение субъекта вблизи к дейктическому центру, а с другой – его предшествующее нахождение вдали от дейктического центра; последнее обстоятельство объясняет, например, использование данного глагола в качестве показателя пространственной дистанции (см. выше).

²³ Данный случай подробнее рассматривается в [Майсак 1998].

Сам по себе тот факт, что "обычно язык располагает несколькими способами создать некоторую грамматическую категорию или заменить уже существующую" [Heine, Reh 1984: 113], хорошо известен. Среди рассмотренного нами материала, быть может, наиболее ярким примером является следующий: и н х о а т и в н о е значение в ходе грамматикализации приобретают конструкции с такими глаголами, как ИДТИ / УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ, ВХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ²⁴.

Если же сравнить результаты грамматикализации глаголов ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ, обнаруживается, что для обоих глаголов среди итоговых значений встречаются: аспектуальные значения имперфективной области (градатив, дуратив, хабитуалис); комплетивное значение; значение будущего времени / проспектива; значение пространственной дистанции и значение гортатива; к тому же оба они используются в качестве средства выражения следования во времени и в пассивной конструкции.

Глаголы ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ выше характеризовались как д е й к т и ч е с к и е а н т о н и м ы: с точки зрения связанного с данными глаголами действительного противопоставления, они описывают ситуации в каком-то смысле противоположные (удаление субъекта *от* vs. приближение *к* действительному центру). Но при этом семантические отношения, существующие между результатами грамматикализации, совсем не обязательно параллельны семантическим отношениям, существующим между лексемами-источниками грамматикализации; хотя, как правило, значения грамматикализуемых показателей всегда несут на себе "отпечаток", связанный с лексической семантикой исходной единицы [Horper 1991: 22; Bybee et al. 1994: 15-17].

Наконец, в-третьих, один глагол движения может проходить в одном языке по нескольким путям грамматикализации, давая в качестве выходов несколько показателей с разным значением. Пользуясь термином, предложенным в [Craig 1991], можно говорить об этом случае как о **полиграмматикализации** лексической единицы: в пределах одного языка определенная лексема (в составе нескольких конструкций) может параллельно участвовать в нескольких путях эволюции, превращаясь в показатели различных классов (например, глагольный vs. именной аффикс) и с различной семантикой.

Как и следовало ожидать, наиболее часто прохождение по нескольким путям грамматикализации глаголов встречается у глаголов ИДТИ и ПРИХОДИТЬ. Так например, в португальском языке глагол *ir* 'идти, уходить' входит в конструкцию с проспективным значением (*vai* || *ia* + *inf.*), в конструкцию со значением градатива (*vai* || *ia* + *gerúndio*), в конструкцию со значением нереализованной попытки в прошлом (*ia* + *a inf.*), а также образует аналитическую форму гортатива (*vamos* + *inf.*).

Любопытные примеры полиграмматикализации глаголов движения разбираются также в работах [Craig 1991; Lichtenberk 1991].

4. Заключение: некоторые перспективы

В заключение мы коснемся материала, который в силу различных обстоятельств остался за пределами настоящей работы, однако также представляет немалый интерес.

Очевидно, что в рамках такой задачи, как изучение процесса грамматикализации на примере слов определенной семантической группы, прежде всего требуется о п и с а н и е возможных типов эволюции конкретных лексических единиц. Обзор обнаруженных нами путей эволюции и был произведен выше.

Но одной лишь каталогизации смыслов, выражаемых при помощи конструкций с

²⁴ Не надо забывать и о том, что возможно также совпадение значений результатов грамматикализации у глаголов движения и других глаголов ('быть', 'стоять', 'лежать', 'брать', 'давать' и пр.).

глаголами движения, недостаточно: ведь если содержательно грамматикализация является особым типом семантических изменений, то необходимо понять, почему то или иное значение начинает выражаться при помощи конструкции с глаголом движения. Таким образом, осуществление поставленной задачи предусматривает поиск о б ъ я с н е н и я того, как возникает некоторое конкретное значение: например, на основании каких именно компонентов исходного лексического значения могло возникнуть данное грамматическое, каковы в каждом конкретном случае т е п у т и п е р е о с м ы с л е н и я, которые лежат в основе приобретения той или иной конструкцией с глаголами движения определенного грамматического значения.

Необходимо понять, какие метафорические переносы лежат в основе переосмысления исходных пространственных конструкций, т.е. как м о т и в и р о в а н о использование глаголов движения в качестве средств выражения тех или иных грамматических значений. (Ср. известный постулат "о мотивированности соотношения между смыслом и формой" в работе [Кибрик 1992: 25].)

Мы убеждены, что все пути грамматикализации глаголов движения (как и вообще пути семантических изменений) являются м о т и в и р о в а н н ы м и. Вместе с тем, семантическая эволюция, являясь мотивированной, отнюдь не всегда происходит п р е д с к а з у е м ы м образом²⁵. Выбор того или иного пути грамматикализации для конкретного глагола предсказуем, в лучшем случае, лишь в терминах большей / меньшей вероятности ("скорее всего, глагол V приобретет значение 'М'" или "одинаково вероятны такие варианты, как 'М₁', 'М₂', 'М₃'...").

Ограниченность возможных предсказаний о грамматикализации не раз обсуждалась типологами (ср. [Lichtenberk 1991: 504–505; Matisoff 1991: 445–447]). Дело в том, что связи, которые люди устанавливают между ситуациями и объектами действительности, отражают восприятие мира человеком, т.е. являются принципиально субъективными. В языковом значении отражаются не столько "объективные" свойства внешнего мира, сколько наше восприятие явлений действительности; в этом смысле языковое значение тоже субъективно. Каждая ситуация действительности включает в себя множество аспектов и может быть рассмотрена с различных точек зрения; это и определяет то разнообразие интерпретаций, с которым мы сталкиваемся в человеческом языке.

Кроме того, понятно, что исследование грамматикализации глаголов движения необходимо вести в рамках более общего изучения типологии процессов грамматикализации различных лексических единиц. Так, весьма продуктивным кажется подход "от грамматического значения к путям его грамматикализации", при котором рассматриваются все возможные источники возникновения той или иной грамматической категории. Данная проблематика в последние годы все больше привлекает внимание типологов: помимо уже упоминавшихся работ по грамматикализации будущего времени, здесь можно назвать исследования, посвященные значениям перфектива, перфекта, аориста, имперфектива и прогрессива, а также модальных значений (см. прежде всего [Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 1994], а также [Auwera, Plungian 1998]).

В конечном итоге, задачей исследователя процессов грамматикализации в языках мира является описание и объяснение пределов языковой вариативности, а также раскрытие тех свойств человеческого мышления, которые отражаются в лексической и грамматической структуре языка. Знакомство с новым языковым материалом может значительно пополнить ту картину, которая представлена в настоящей статье. Мы надеемся, что дальнейшее изучение процессов грамматикализации в языках мира позволит подтвердить сделанные нами обобщения, а также расширит наши представления о пределах языковой вариативности в целом.

²⁵ О мотивированности, но непредсказуемости языковой категоризации писал, в частности, Дж. Лакофф, см. [Лакофф 1988] и др.

Пути грамматикализации глаголов движения

В колонках напротив каждого глагола представлены следующие цифры:

- в скольких из рассмотренных языков имеются случаи грамматикализации данного глагола;

- в скольких языках имеются случаи полиграмматикализации;

- число основных непространственных путей грамматикализации (в скобках указано общее число, включая пространственные и маргинальные пути);

- приобретенные в ходе грамматикализации значения: для наиболее частотных путей развития (представленных более 10-ю языками) приводится процент от числа языков, указанных во 2-й колонке; в скобках указываются единичные случаи грамматикализации).

Знаком "/" разделяются значения, которые могут совмещаться в языке у одной и той же конструкции.

Разъяснение значения терминов, используемых в таблице, читатель найдет в тексте статьи.

Глагол	число языков	полиграмматикализация	число путей	значения
ИДТИ/УХОДИТЬ	≈95 (86%)	≈20 (21%)	7 (11)	'туда' (удаление) пространств.дистанция перспектив // будущее время (21%) градатив, дуратив, хабитуалис (21%) комплетив (16%) императив // горгатив пассив инхоатив следование (нереальная ситуация, маркер целевого придаточного)
(УХОДИТЬ)	4	—	1	инхоатив // комплетив
ПРИХОДИТЬ	≈80 (73%)	≈20 (25%)	8 (13)	'сюда' (приближение) пространств.дистанция градатив, дуратив, хабитуалис (33%) перспектив // будущее время (17,5%) комплетив, инхоатив время (17,5%) прошедшее время, "ретроспектив" возможная ситуация горгатив пассив следование (маркер целевого придаточного, рефактив, бенефактив)
ХОДИТЬ (+ БРОДИТЬ)	16 (14,5%)	2 (12,5%)	1 (3)	дуратив // хабитуалис (87,5%) (перспектив, прохибитив)

Глагол	число языков	полиграмматикализация	число путей	значения
ПОДНИМАТЬСЯ	3 (3%)	–	1 (3)	‘вверх’ инхоатив (комплетив)
СПУСКАТЬСЯ	10 (9%)	1 (10%)	1 (3)	‘вниз’ интенсив // аттенуатив // моментальность (комплетив)
ВХОДИТЬ	5 (4,5%)	–	1 (3)	‘внутри’ инхоатив (комплетив)
ВЫХОДИТЬ	10 (9%)	–	2 (3)	‘изнутри’ комплетив инхоатив
ПРОХОДИТЬ, ПЕРЕХОДИТЬ	15 (14%)	2 (13%)	3 (5)	‘мимо, через’ экспериментальное значение комплетив сравнение (комитативный способ действия: ‘заодно, попутно’)
ВОЗВРАЩАТЬСЯ	15 (14%)	2 (13%)	1 (3)	‘обратно’ рефактив (93,3%) (рефлексив)
СЛЕДОВАТЬ	4 (4%)	–	1	континуатив

Примечание: Написание ИДТИ/УХОДИТЬ через слэш принято в связи с тем, что в большинстве из рассмотренных нами языков не противопоставляются “чистый” глагол движения (типа русск. *идти*) и глагол, обозначающий удаление от дейктического центра (типа русск. *уходить*). Во второй строке таблицы приводятся данные для случаев грамматикализации тюркского *кет-/кит-/гет-* ‘уходить’ для языков, в которых отмечена также конструкция с *бар-* ‘идти, уходить’. По аналогичным соображениям в одну группу были объединены глаголы ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агбоджо К.О., Литвинов В.П. 1992 – Повелительные предложения в эве // Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. Л., 1992.
- Аксенова И.С. 1997 – Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М., 1997.
- Алисова Т.Б., Муравьева Г.Д., Черданцева Т.З. 1982 – Итальянский язык. М., 1982.
- Алпатов В.М. (рукопись) – Вспомогательные глаголы приближения и удаления [в японском языке].
- Андронов М.С. и др. 1979 – Канада-русский словарь. М., 1979.
- Антонян К.В. 1997 – Семантика глагольного дополнительного элемента *shang*: от лексических значений к грамматическим // Глагольная префиксация в русском языке (сборник статей). М., 1997.
- Апресян Ю.Д. 1995а – Лексическая семантика. М., 1995.
- Апресян Ю.Д. 1995б – Лексикографический портрет глагола ВЫЙТИ // *Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография*. М., 1995.
- Битехтина Г.А., Юдина Л.П. 1985 – Система работы по теме “Глаголы движения”. М., 1985.

- Бондарко А.В. 1990 – Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Быстров И.С., Станкевич Н.В. 1992 – Повеление во вьетнамском языке // Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. Л., 1992.
- Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. 1980 – Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М., 1980.
- Володин А.П., Храковский В.С. 1986 – Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
- Вольф Е.М., Никонов Б.А. 1967 – Португальский язык. М., 1967.
- Горгонцев Ю.А. 1984 – Кхмерско-русский словарь. М., 1984.
- Горелов В.И. 1984 – Лексикология китайского языка. М., 1984.
- Горелов В.И. 1989 – Теоретическая грамматика китайского языка. М., 1989.
- ГСБЯ 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
- ГХЯ 1975 – Грамматика хакасского языка. М., 1975.
- Дзенин С.Я., Гуров Н.В. 1972 – Краткий грамматический очерк языка телугу // Телугу-русский словарь. М., 1972.
- ДНЯ 1999 – Языки мира: Дардские и нуристанские языки. М., 1999.
- Дорофеева Л.Н. 1960 – Язык фарси-кабули. М., 1960.
- Драгунов А.А. 1952 – Исследования по грамматике современного китайского языка. Т. 1. Части речи. М. – Л., 1952.
- Иоанесян Е.Р. 1990 – Понятие перспективы в семантическом описании глаголов движения // ВЯ. 1990. № 1.
- Исаченко А.В. 1960 – Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. 2. Братислава, 1960.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. 1961 – Грамматика тувинского языка. М., 1961.
- Катенина Т.Е. 1960 – Язык хинди. М., 1960.
- Катенина Т.Е. 1963 – Язык маратхи. М., 1963.
- Кибрик А.Е. 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Князев Ю.П. 1983 – Результатив, пассив и перфект в русском языке // Типология результативных конструкций / Под ред. В.П. Недялкова. Л., 1983.
- Копорская Е.С. 1996 – "Семантический архетип" глаголов физического движения в его отношении к строению глагольного класса // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Кронгауз М.А. 1998 – Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика М., 1998.
- Лакофф Дж. 1988 – Мышление в зеркале классификаторов // НЗЛ. Вып. XXIII. М., 1988.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 1990 – Метафоры, которыми мы живем (главы I–VI) // Теория метафоры. М., 1990.
- Левинтова Э.И., Вольф Е.М. 1964 – Испанский язык. М., 1964.
- Липеровский В.П. 1984 – Глагол в языке хинди. М., 1984.
- Майсак Т.А. 1998 – Совпадение результатов грамматикализации при различии источников (на материале глаголов движения) // Труды Международного семинара "Диалог '98" по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998.
- Мальгина Л.В. 1992 – Повелительные предложения в современном иврите // Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. Л., 1992.
- Маслов Ю.С. 1983 – Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций / Под ред. В.П. Недялкова. Л., 1983.
- Маянц В.А. 1982 – Лексическое выражение некоторых грамматических значений в языке йоруба // Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 3. М., 1982.
- Мельчук И.А. 1997 – Курс общей морфологии. Т. I. Введение. Часть 1: Слово. М.; Вена, 1997.
- Мельчук И.А. 1998 – Курс общей морфологии. Т. II. Часть 2: Морфологические значения. М.; Вена, 1998.
- Морев Л.Н. 1991 – Сопоставительная грамматика тайских языков. М., 1991.
- Недялков В.П. 1987 – Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Никонов Б.А. 1981 – Грамматика португальского языка. М., 1981.

- ОИТИИЯ 1975 – Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. 2. Эволюция грамматических категорий. М., 1975.
- ОИЯ 1982 – Основы иранского языкознания. Кн. 3. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- ОИЯ 1987 – Основы иранского языкознания. Кн. 4. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
- ОИЯ 1991 – Основы иранского языкознания. Кн. 5. Новоиранские языки: северо-западная группа. Ч. 1. М., 1991.
- Падучева Е.В. 1996 – Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева Е.В. 1998 – Неоднозначность как следствие метонимических переносов: русский перфект на -н/-т- // Типология. Грамматика. Семантика. СПб., 1998.
- Панфилов В.С. 1993 – Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993.
- Петруничева З.Н. 1960 – Язык телугу. М., 1960.
- Плунгян В.А. 1997 – Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова / Под ред. М.Ю. Чертовой. Т. 1. М., 1997.
- Плунгян В.А., 1998а – Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Плунгян В.А., 1998б ≡ Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) // Семиотика и информатика. Вып. 36. 1998.
- Плунгян В.А. 1998в – Грамматические категории, их аналоги и заместители. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1998.
- Полинская М.С. 1992 – Императив и другие способы выражения повеления к действию в языке маори // Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. Л., 1992.
- Рожанский Ф.И. 1992 – Глагольные конструкции с пространственными аргументами. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Смирнова М.А. 1960 – Язык хауса М., 1960.
- СТЛЯ 1969 – Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М., 1969.
- Сумбатова Н.Р. 1994 – Грамматикализация глагольного синтаксиса. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Убрятова Е.И. 1985 – Язык норильских долган. Новосибирск, 1985.
- Харитонов Л.Н. 1960 – Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л., 1960.
- Храковский В.С. 1987 – Семантика фазовости и средства ее выражения // Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Юлдашев А.А. 1965 – Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
- Яхонтов С.Е. 1957 – Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.
- van der Auwera J., Plungian V.A. 1998 – Modality's semantic map // Linguistic typology. 1998. № 2.
- Bybee J. 1985 – Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Bybee J., Dahl Ö. 1989 – The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in language 13, 1. 1989.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. 1994 – The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Comrie B. 1976 – Aspect. Cambridge, 1976.
- Comrie B. 1985 – Tense. Cambridge, 1985.
- Craig C. 1991 – Ways to go in Rama: a case study in polygrammaticalization // Traugott E.C., Heine B. (Eds.). Approaches to grammaticalization. V. 2. Amsterdam, 1991.
- Dahl Ö. 1985 – Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Emanatian M. 1992 – Chagga 'COME' and 'GO': metaphor and the development of tense-aspect // Studies in language 16, 1. 1992.
- Fleischman S. 1982 – The future in thought and language: diachronic evidence from Romance. Cambridge, 1982.
- Givón T. 1991 – Serial verbs and the mental reality of event: grammatical vs. cognitive packaging // Traugott E.C., Heine B. (Eds.). Approaches to grammaticalization. V. 1. Amsterdam, 1991.
- Greenberg J.H. 1991 – The last stages of grammatical elements: contractive and expansive de-

- semantization // Traugott E.C., Heine B. (Eds.). *Approaches to grammaticalization*. V. 1. Amsterdam, 1991.
- Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. 1991 – Grammaticalization: a conceptual framework. New York, 1991.
- Heine B., Reh M. 1984 – Grammaticalization and reanalysis in African languages. Hamburg, 1984.
- Hook P.E. 1991 – The emergence of perfective aspect in Indo-Arian languages // Traugott E.C., Heine B. (Eds.). *Approaches to grammaticalization*. V. 2. Amsterdam, 1991.
- Hopper P.J. 1991 – On Some Principles of Grammaticization // Traugott E.C., Heine B. (Eds.). *Approaches to grammaticalization*. V. 1. Amsterdam, 1991.
- Hopper P.J., Traugott E.C. 1993 – Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Keesing R.M. 1991 – Substrates, calquing and grammaticalization in Melanesian pidgin // Traugott E.C., Heine B. (Eds.). *Approaches to grammaticalization*. V. 1. Amsterdam, 1991.
- Krishnamurti Bh., Gwynn J.P.L. 1985 – A grammar of modern Telugu. Delhi, 1985.
- Lehmann Ch. 1982 – Thoughts on grammaticalization: A programmatic sketch. Köln, 1982 (2nd ed.: München, 1995).
- Lichtenberk F. 1991 – Semantic change and heterosemy in grammaticalization // *Language*. V. 67. № 3. 1991.
- Liu M. 1997 – Reciprocal reading with deictic verbs ‘COME’ and ‘GO’ in Mandarin (доклад, представленный на Симпозиуме по рефлексивам и реципрокам, август 1997).
- Macaulay M. 1996 – A grammar of Chalcatongo Mixtec. University of California Press, 1996.
- Matisoff J.A. 1991 – Areal and universal dimensions of grammaticalization in Lahu // Traugott E.C., Heine B. (Eds.). *Approaches to grammaticalization*. V. 2. Amsterdam. 1991.
- Ramat P. 1992 – Thoughts on degrammaticalization // *Linguistics* 30. 1992.
- Rojo G. 1974 – Perífrasis verbales en el gallego actual. Universidad de Santiago de Compostela, 1974.
- Spencer H. 1950 – A Kanarese grammar. Mysore City, 1950.
- Talmy L. 1975 – Semantics and syntax of motion // *Syntax and semantics*. V. 4. 1975.
- Talmy L. 1985 – Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // *Language typology and syntactic description*. V. 3: Grammatical categories and the lexicon / Ed. by T. Shopen. Cambridge, 1985.
- Traugott E.C. 1978 – On the expression of spatio-temporal relations in language // *Universals of human language*. V. 3. Word structure / Ed. by J.H. Greenberg. Stanford University Press, 1978.
- Traugott E.C., Heine B. 1991 – Introduction // Traugott E.C., Heine B. (Eds.). *Approaches to grammaticalization*. V. 1. Amsterdam. 1991.
- Traugott E.C., Heine B. (Eds.) 1991 – Approaches to grammaticalization. V. 1–2. Amsterdam, 1991.
- Ullan R. 1978 – The nature of future tenses // *Universals of human language*. V. 3. Word structure / Ed. by J.H. Greenberg. Stanford University Press, 1978.
- Wilkins D.P., Hill D. 1995 – When “go” means “come”: Questioning the basicness of basic motion verbs // *Cognitive Linguistics* 6-2/3. 1995.